

Не потеряем ничего из прошлого

Двадцать пять лет, минувшие со времени создания Всероссийского общества охраны памятников, показали, сколь высока в общественном мнении идея сбережения историко-культурного наследия. «В чем истинный разум, в чем истинная сила русской жизни, в чем существо русской народности?» — спрашивал когда-то историк И. Е. Забелин, ставя уяснение этого существенного вопроса в неразрывную связь со вниманием, уважением к вековым духовным богатствам Отечества. Идея, неизбывная в среде русской интеллигенции, стократ актуальна сегодня: сохранить высокое наследие — сохранить Россию.

О том — выступления писателей, ученых, деятелей культуры и искусства прошедших двадцати пяти лет.

Леонид Леонов:

Уместно повторить вслух неплохую, двухсотлетней давности, мысль Руссо: всякое применение власти для своей правомерности должно быть выражением народной воли. А под волей народной, надо полагать, понимается не только воля всех живущих в известное время индивидов, но и та, что поддерживает идею народную среди сменяющихся поколений. Так раскрывается в полном объеме скрепляющее нацию воедино сотрудничество поколений. Для меня любая на сельском погосте ромашкой да погремком заросшая могильная плита приобретает вещественную силу национального пароля.

Жизненно необходимо, чтобы народ понимал свою историческую преемственность в потоке чередующихся времен, — из чувства этого и вытекает главный гормон общественного бытия, вера в свое национальное бессмертие. Поэтическая традиция, утверждающая, будто чуть ли не основным источником сего вдохновительного вещества является популярная у нас березка, упускает из виду, что поименованное дерево не менее успешно произрастает и в смежных, чужеземных владениях. На мой взгляд, гораздо больше содержится его в других, скоропреходящих, казалось бы, явлениях, — например, в милых и унывных напевах предпокосного, бывало, девичьего хорова, или в запахе ржаной краюшки под парное молочко, или в косом мимолетном дождичке над Окой, даже в пресловутом дыме отечества. Но, пожалуй, богаче всего этим живительным эликсиром, почти вровень с молоком материнским, те молчаливые, или любое кощунство такие безответные, грубой побелки мемориальные камни, что раскиданы кое-где по лицу нашей державы щедрыми и простодушными предками. Подразумеваются старинные здания нередко архаического замысла, творения изрядных русских плотников, самородных тож гениев каменного дела, воздвигнутых на потребу стародавних чувств и обычаев, почти

сплошь — извиняюсь за их творцов перед нахмуренными передовыми мыслителями — культового, то есть церковного назначения. Большинство их — величавые соборы вкупе с онемевшими, порою жалостно-дивными звонницами, давно и жестко источенными континентальной непогодой, поросшие по карнизам мелким кустарником, как на гравюрах Пиранези... Атеистический топор в руках воинствующего невежды, о чем предупреждал еще Гете, оборачивается для культуры величайшим бедствием, потому что сопровождается уже невозместимым для человечества ущербом.

...Было бы поучительно и интересно провести на ходу беглую викторину среди подростков, собирающихся у вечерних кафе перед тем, как прошвырнуться под транзистор по местному проспекту: знают ли они, скорые наследники и отрада наших стареющих, меркнущих очей, что, к примеру, упоминавшийся в старых книгах Калита не имеет никакого отношения к проходному устройству в заборах, а Пересвет и Ослябя не являются фотографическими терминами в смысле неправильной экспозиции? Известно ли подрастающим деткам, что печально ославленные древние наши лавры и монастыри — Валаам и Соловки, Суздальщина и Троице-Сергиева обитель — служили в старину боевыми и культурными форпостами русской государственности, так что сияние золота на куполах и звон колокольный звали предков наших к деяниям, в некоторой степени обеспечивавшим их нынешнее благоденствие?

А знать сие надобно потому, что в наш век обесценения хитроумнейших фортификационных сооружений перечисленные обветшалые твердыни могут и сегодня оказаться крепостями похлеще хваленых линий Зигфрида или Мажино. А лучше всего это сравнивается с материнской ладанкой, что вешалась на грудь возлюбленному детищу; нерушимое благословение на честный хлеб, на

ратный подвиг, на сквозное безоблачное счастье до наиотдаленнейших правну-чат. Для вчерашних стариков утратить ее — было все одно, что жизни решиться, а недруги и русские знают донныне: как сорвешь с нашего брата гайтан с той бедной наивной вещицей, тут его без рукавиц можно прямо в карман класть, гнуть-ломать на любое непотребство. Впрочем, довольно на нашем веку было говорено о ничтожестве беспамятных Иванов и неиссякаемой силе Антеевой!..

Павел Корин:

1966

Итак, два слова — охрана памятников — постепенно обретают свои еще в столь недавние годы погранные и утраченные права. Состоялся съезд, учредительный, первый, придавший благороднейшему делу государственную основу. Пора нигилистического отношения к памятникам старины остается, по всем признакам, позади. И все же я не могу не сказать еще раз об этом глубоко трогающем меня деле как художника и гражданина. Потому что не приспели еще времена безмятежного благодушия и благолепия. Потому что корни эстетической слепоты оплетают сознание многих. Потому что слишком горьки и невосполнимы были утраты наши.

Для меня слова «охрана памятников» — рабочий термин, передающий лишь узкий смысл задачи. Содержание его неизмеримо шире. Оно включает живое представление о преемственности традиций культуры, о нерасторжимой связи времен, дня сегодняшнего и давних дней, связи человека с землей и со всем сущим на ней, с природой, с человечеством.

«Седые камни» наделены особой, внятной чуткою слуху речью, в них заключен пафос преодоления времени. В них — мужество, стойкость и отвага тех, кто возводил эти могучие стены, эти легкие своды по законам высочайшего искусства. Крепостная башня на крутом берегу, утвержденная на века как символ свободолюбия и непокорства, стройная, вздымающаяся к облакам колокольня, фреска, внезапно и светло озаряющая стены, встают перед моими глазами как рукотворные образы торжества силы духа и человечности.

Стелились века истории, были грозные сечи и мятежи, восстания и войны, стонала под игом нашествий опаленная огнем и горем земля, но ничто не могло сломить жажду воли и жажду песен в сердце народа — певца, воителя, зодчего. Ничто не могло затмить мечту о прекрасном и справедливом мире. И то, что мы воспринимаем сегодня как чудо — летящий силуэт собора, светозарные краски его росписи, есть высшее выражение не-

сгибаемого духа, исполинской внутренней мощи народа, умевшего противостоять и вражеским ратаям, и испытаниям жизни, сохраняя незамутненной искреннюю веру в победу добра, умевшего достойно и гордо жить, творить, бороться.

Древние мастера наши были поэтами и героями. В масштабах и ритмах зданий, возводимых ими, есть власть непреложных законов. Пространства земли и неба были естественной и необходимой средой, окружающей памятник и взаимодействующей с ним. Пластический язык зодчих Древней Руси — источник познаний неиссякаемый.

К чему говорю я все это? Чтобы повторить одну, забываемую порой истину. Да, нам оставлены величайшие художественные ценности. Да, нам завещаны созданные гением народа сокровища духовной культуры. И памятники эти — наша слава и гордость. Подобно античным храмам и соборам готики они — общечеловеческое достояние.

1966

Дмитрий Лихачев:

Улицы, площади, каналы, дома, парки — напоминают, напоминают, напоминают... Ненавязчиво и ненастойчиво творения прошлого, в которые вложены талант и труд поколений, входят в чело-века, становясь мерилом прекрасного. Он учится уважению к предкам, чувству долга перед потомками. И тогда прошлое и будущее становятся неразрывными для него, ибо каждое поколение — это как бы связующее звено во времени. Любящий свою родину человек не может не испытывать нравственной ответственности перед людьми будущего, чьи духовные запросы будут все множиться и возрастать...

В юности я приехал впервые в Москву и нечаянно набрел на церковь Успения на Покровке 1696—1699 годов. Я ничего не знал о ней раньше. Встреча с ней меня ошеломила. Передо мной вздымалось за-стывшее облако бело-красных кружев. Не было «архитектурных масс». Ее легкость была такова, что вся она казалась воплощением неведомой идеи, мечтой о чем-то неслыханно прекрасном. Ее нельзя себе представить по сохранившимся фотографиям и рисункам, ее надо было видеть в окружении низких обыденных зданий. Я жил под впечатлением этой встречи и позже стал заниматься древнерусской культурой именно под влиянием толчка, полученного мной тогда. Позже я узнал, что такие разные люди, как Наполеон и Достоевский, считали ее красивейшей церковью в Москве. Наполеон во время великого пожара Москвы выставил у нее караул и тем спас от

огня. По инициативе Луначарского соседний с ней переулок был назван по фамилии ее строителя — крепостного крестьянина — Потаповским. Но вот пришли другие люди и снесли церковь. Это было в начале 30-х годов. Теперь на этом месте пустырь. Разве не убито в нас что-то? Разве нас не обворовали духовно?

И еще о чем хотелось бы вспомнить. Город, в котором я родился и живу всю жизнь, Ленинград, связан прежде всего в своем архитектурном облике с именами Растрелли, Росси, Кваренги, Захарова, Воронихина. По дороге с главного ленинградского аэродрома стоял Путевой дворец Растрелли. Прямо в лоб: первое большое здание Ленинграда и Растрелли! Оно было в очень плохом состоянии — стояло близко от линии фронта, но наши бойцы сделали все, чтобы сохранить его. И если бы его реставрировать, какой праздничной была бы эта увертюра к Ленинграду. Снесли! Снесли в конце 60-х годов. И ничего нет на этом месте. Пусто на его месте, пусто в душе, когда это место проежаешь.

...До известных пределов утраты в природе восстанавливаемы. Можно очистить загрязненные реки, моря, можно восстановить леса, поголовье животных, конечно, если не перейдена известная грань, если не уничтожена та или иная порода целиком, если не погиб тот или иной сорт растений. Природа при этом сама помогает человеку, ибо она «живая». Иначе обстоит дело с памятниками культуры. Их утраты невосстановимы, ибо памятники культуры всегда индивидуальны, всегда связаны с определенной эпохой, с определенными мастерами. Каждый памятник разрушается навечно, искажается навечно, ранится навечно.

«Запас» памятников культуры, «запас» культурной среды крайне ограничен в мире, и он истощается со все прогрессирующей скоростью. Техника, которая сама является продуктом культуры, служит иногда в большей мере умерщвлению культуры, чем продлению ее жизни... На земле становится тесно для памятников культуры не потому, что земли мало, а потому, что строителей притягивают к себе старые места, обжитые и оттого кажущиеся особенно красивыми и заманчивыми для градостроителей. Градостроителям, как никому, нужны знания в области экологии культуры... Чтобы сохранить памятники культуры, необходимые для «нравственной оседлости» людей, мало только платонической любви к своей стране, любовь должна быть действенной.

1984

Михаил Аллатов:

Никто не станет спорить с тем, что

все живое в мире и сам человек, плоды его рук, его разума подвержены закону рождения и умирания. Одно поколение сменяется другим, гибнут цивилизации, им на смену приходят другие, сменяют друг друга философские, моральные, эстетические идеалы, страны и города меняют свой облик. Такова жизнь, таковы условия движения вперед. Если бы кому-нибудь удалось остановить эту смену старого молодым, приостановить умирание всего, что существует, и даже включая то, что отжило свой век, жизнь на земле стала бы невыносимой. Но все это говорится вовсе не для того, чтобы узаконить бакунинский парадокс — разрушение есть созидание. Во все не для того, чтобы найти хоть какое-то логическое обоснование разрушению. Это говорится для того, чтобы защита ценностей прошлого не выглядела как попытка противостоять закону жизни, поставить на путях движения память о прошлом человечества.

Памятники культуры гибнут не только в пылу военных действий, от пожаров и бомбежек, но и оттого, что между людьми происходит борьба знания с невежеством, уважения к разуму с неуважением, и в разгаре борьбы утрачивается мера, что нужно свято хранить и чем можно пожертвовать. Нельзя закрывать глаза на то, что творится в темных низинах человеческой психики. То и дело мы с тревогой читаем: под угрозой Венеция — выгоды промышленников усугубляют грозящее Венеции затопление. Под угрозой многие памятники культуры на земном шаре. Даже без бомб, без снарядов — из-за равнодушия, из-за попустительства.

Впрочем, не о том речь, и не нужно приходить в уныние. Готовности примириться с разрушениями и даже им потакать противостоит в человеке не менее мощное стремление противодействовать гибели ценностей, потребовать спасти дошедшие до нас свидетельства прошлого, поклониться им, если они прекрасны. Ведь человек стал человеком и совершил все, что ему удалось, в значительной степени потому, что в творчестве своем опирался на опыт прошлого. Давайте будем помнить слова Анатоля Франса: «Не утратим ничего из прошлого. Только с помощью прошлого можно создать будущее».

1975

Георгий Свиридов:

Горячо приветствую выход альманаха «Памятники Отечества». Выпуск такого издания давно назрел. Оно должно хоть отчасти удовлетворить огромный интерес к нашему прошлому, нашей истории, который особенно велик среди молодежи.

Надеюсь, что на страницах альманаха найдется место и для музыки. Мы все еще недостаточно знаем и ценим наше музыкальное наследие. Между тем музыка Древней Руси является совершенно самобытной ветвью мировой музыкальной культуры. Она таит в себе истинные сокровища. Ее нужно изучать и чаще исполнять. Это — живое, полнокровное, прекрасное искусство, сохраняющее огромную силу художественного воздействия. Желаю новому изданию больших успехов.

Василий Чуйков:

Среди множества памятников архитектуры и археологии, скульптуры и живописи, музыки и литературы особое место занимают памятники ратной славы. В дни военных испытаний они сражаются вместе с народом как мужественные солдаты, как старая гвардия. В начале Великой Отечественной войны было принято решение оставить на месте статую Суворова в Ленинграде. Как на боевом посту, Суворов выстоял блокаду вместе с живыми. По всей нашей земле, священной от крови, пролитой ее защитниками, стоят такие памятники. Величественные мемориалы в Волгограде и Новороссийске, памятники Ледового побоища, Куликова поля и Бородинского сражения, легендарные тачанки и скромные солдатские обелиски воскрешают в памяти народа героические события, увековечивают подвиги верных сынов Отечества.

Олег Волков:

...Раннее солнце освещает купола Софийского собора. Так же загорались они в его лучах еще задолго до того, как совершилось Батыево нашествие на Русь. Пылал Киев, дотла сгорела Рязань, в подожженном татарами Успенском соборе задохнулись в дыму последние защитники стольного града Владимира, но не пришлось в XIII веке изведать Новгороду злую участь других русских городов, и тем значительнее сделалось его место в строении будущего государства: он сохранил памятники своего прошлого и не растерял, как многие города Руси за время татарского лихолетья, свое древнее наследие. Здесь не прерывалось писание летописей, накопление традиций и продолжалось всерусское национальное дело: Новгород не только укреплял западные рубежи, строил Псков и Копорье, но своими удачными походами против шведов и ливонских рыцарей надолго обезопасил народ от покушения воинственных соседей. Русь, прикрытая с северо-запада могучим

Новгородом, могла исподволь залечивать раны и копить силы, чтобы сбросить иго степняков.

С середины XI века высятся, рисуясь на новгородском небе, величественные купола Софийского собора. Вся гармоническая его громада должна была вселять гордость и уверенность в своих силах: жители курных изб, лепившихся по Волосове улице, по Иворове или Нутной улицах, на Синичьей горе или подле Торга, уличане и новгородские торговые люди, плывшие с товарами по балтийским водам, пробиравшиеся по неизведанным речкам и водам за Белое озеро и далее на восток, ратники в дальних походах, подолгу не видевшие родного города, непременно представляли себе сияющую Софию как прекрасный символ родины, и домашний очаг под ее сенью казался надежно защищенным и благополучным. В этом сознании была огромная, вдохновляющая сила...

Погибшее оживает. Вновь сияют первозданной красотой памятники эпох расцвета и взлета национального духа, освобожденные от обезличивающих переделок и обновлений промежуточных веков. На это уходит огромное усилие просвещенной мысли нашего времени, отданной возрождению разрушенных памятников: они являют миру извечную силу и стойкость культуры, созданной русским народом. Это усилие требует всенародной поддержки и понимания.

Понимания!.. Несчастье древних русских памятников оказалось в том, что их воздвигали во времена, когда национальные идеалы и социальные чаяния находили свое выражение в тесном слиянии с православием: единомыслие русских людей, расселенных на неоглядных пространствах, опиралось на сознание принадлежности к одной вере, вере, связавшей себя с идеологией, в ту эпоху передовой, имевшей огромное просветительское значение. Таким образом, всякий успех общенародного, национального дела отмечался как торжество одновременно и христианское и религиозное. Горькие испытания Руси почитались небесной карой за недостаточное усердие в вере и требовали покаяния, жертв. Надо было и в благодарности, и в искупление давать вещественные свидетельства своей преданности Богу и его воинству — отсюда обилие на Руси колоколен и главок, шатров и куполов, монастырей, скитов, пустыней, храмов и часовенок. Слишком долго они отождествлялись нами с вытравляемой из народного сознания вековой привычкой к обрядам православной веры. Борьба с религией часто сопровождалась походом на древнее искусство, на культурное наследие России, неразрывно связанное с церковью. Тем свое-

временное ныне, когда очевидна ошибочность подобного отношения к древнерусским памятникам, отвести им подобающее место в нашем культурном наследии, подлинным украшением которого они призваны быть. Памятники церковного зодчества и живописи более прочих памятников прошлого помогают проникать в его суть, яснее представлять себе основы нашего национального самосознания.

1972

Виктор Астафьев:

Недавно в одной полуразвалившейся вологодской деревушке последний здесь мужик, умеющий сделать топорщице, наточить ножи и инструменты, подковать лошадь, застеклить окна, сметать стог, загородить городьбу, забить скотину, управлять конной сенокосилкой и с самими лошадьми управляться, принять роды у коровы, сбить печь, срубить баню, продолбить прорубь, выкопать колодец, «заговорить зубы» и остановить кровь, предсказать погоду, обмануть колхозное начальство и, если потребуется, то и районное, — мужик этот, прошедший войну и все «преобразования», показывая на одичавшие поля, лес и опустевшие деревни, убежденно и горестно сказал:

— Еще придут. Целину поднимать сюда придут. Жрать-то что-то надо будет. И снова станут героически преодолевать трудности, жить в палатках, рубить бараки и временки, корчевать кустарник на заросших пашнях, вырубать леса, осушать болота... При-и-ду-ут, никуда не денутся...

Течет речка, подмывая берега, спрямляет излучины, роняет кусты и деревья, опрыскивает и ворочает камни, падает с них, журчит и наговаривает в перекатах и шиверах. Как бы ее ни мучили, ни мучили, ни разбирали на поливку личных огородов и на обливание тел в знойные дни, сколько бы из нее ни пили, сколько бы ни вытаптывали, она справляет свою работу и за ночь успевает растащить весь мусор, растереть грязь, унести муть, к утру высветляется до дна, течет и будет течь речка, пока живы родники, ее питающие, а они там где-то, в сумеречных оврагах, в распадах и рассохах, недоступные пока, слава Богу, праздно шатающимся, журучим и орущим существам. Они тихи, те роднички, их голос слышен только привычному уху, но их освежающие струи прознают темь и, сливаясь воедино, на свет вырываются живой, бурной, сияющей речкой.

Течет речка. Жизнь продолжается. Продолжается мысль и добрые дела людей, творящих и творивших добро во имя этой самой жизни.

1985

Мустай Карим:

Ты на земле живешь прочно и раскованно от высокого чувства, что ты, твой дом, твой родимый край — это частица, живая доля могучей и прекрасной Родины, что в ее полете в грядущее — полет и твоей души, что тяжесть ее падает и на твои плечи, ее свет освещает и тебя, и твой дом, и твой родимый край. Об этом я помню и в будни, и в праздники. Думая о неизбежности нашего Великого Союза Народов, я в своих ладоных ощущаю тепло далеких рукопожатий людей разных племен и наречий, тепло, вопреки стуже веков перешедшее из поколений в поколения, чтобы стать Дружбой, Братством, Любовью...

Бывают на историческом пути народа высоты, откуда берет он новое жизненное начало, ведет новый отсчет времени. Для судеб башкир такой высотой явилось великое Присоединение, начало широкого общения с сопредельными народами, ставшими со временем соседями по костру, к кому в любой миг можно пойти за горящим углем, если гаснет твой огонь. Сама Русь собирала всех к своему большому очагу.

Свершилось чудо: будто взял кто-то разрозненные роды и племена, как рассыпанные по земле зерна, и собрал в одну горсть и сложил из них одну народность. К народности этой пришло общенациональное самосознание, чувство всенародной ответственности перед лицом того, кто принял ее под свой стяг, под свою защиту. Тогда хотя и не возникла государственность башкир, но состоялось межплеменное единение, возникло понятие Башкирии не только как территории, но и как социально-духовной общности. Нашедшие покровительство у России стали ее же защитниками, Русскому государству было теперь на кого надеяться, на кого опереться в защите своих восточных рубежей.

1982

Николай Пластов:

Достаточно постоять час-другой перед окном вагона в поезде дальнего следования, как невольно возникает мысль: будущее ли мы строим? Так немилостивы мы к красоте земли, так беспощадно и бестолково вычеркиваются, и в наши еще дни, приметы истории, так тяжело и нагло теснят новые стандартные постройки старые кварталы с немногими уцелевшими памятниками.

За последние два-три десятилетия почти начисто покончено с присутствием прошлого в наших селах. И дело не только в потере старой церковки, белоколонной усадьбы, одряхлевшего парка, дело в том, что любое новое строительство уже давно и привычно ведется в

селе, как в чистом месте, без долгих раздумий о сложившейся ткани дошедшей до нас застройки, без мысли о соседстве, о связях с ландшафтом, без стремления к какой-либо идее, кроме идеи голой утилитарности.

Кажется, раз и навсегда решено, что культура и история — это прерогатива только городов, да и то преимущественно крупных. Все, что вне этих центров, не представляет, за редким исключением, никакого интереса и не играет никакой роли в формировании национальной культуры, а, стало быть, может рассматриваться, как чистый лист, на котором можно чертить, что угодно.

Каким, вероятно, удивительным и странным выглядит будущее русской равнины в представлении тех, кто насаждает нынешние приемы строительства и убожество архитектурного эсперанто, заранее решив, что Россия была не так застроена, не так распланирована, не так и поименована. Нигилизм по отношению к прошлому прочно соединился с казенным равнодушием к облику и эстетике современного типового строительства, особенно в селах и малых городах. Лишенный иного смысла, кроме утилитарного, нынешний ландшафт наш вызывает подчас оторопь своей безликостью и бездуховностью. Один за другим мелькают за окнами типовые наборы хозяйственных построек, типовое жилье соединяется в нехитрый порядок, удовлетворяющий опять же только утилитарным требованиям, заменившим все эстетические категории, градостроительные навыки и тонкости прошлого.

Потери здесь неисчислимы, и они еще предстоят, нужны годы, чтобы преодолеть инерцию и равнодушие. А мы еще только начинаем сознавать всю самоубийственность сложившейся практики. И было бы полбеды, если бы дело касалось одних эстетических категорий, если бы эстетическая слепота не соединялась с глухотой к голосу истории там, где берутся решать, чему из русской культуры и исторического наследия дозволено будет предстать перед потомками. Поражает, как мы смеем так обращаться с нашей страной, как смеем вести себя так, как если бы у нас не было никакого долга перед прошлым и будущим, как если бы мы были бессмертны и обладали бесконечным лимитом времени для исправления любых наших непотребств.

1967

Алексей Окладников:

...Я вспомнил слова Герцена о кучках усталых русских людей, которые, повинаясь зову свободы, мечтая о вольной мужицкой жизни, брели сквозь горы и степи, через бурные реки и тайгу в неве-

домые пространства — навстречу солнцу. Везде, где останавливались, они заводили пашню, копали колодцы, долбили шахты в поисках рудных соковок, рубили города и села, строили церкви несказанной красоты... Мы были гостями на конференции сибирских вузов в Кемерове, на древней кузнецкой земле. Нам показали альбом, составленный местными краеведами. Альбом начинался фотографиями двух вросших на треть в землю, но все еще высоких и прекрасных рубленых изб. Восемнадцатый, а может, и конец семнадцатого столетия! Почерневший от времени, но все еще прочный, как будто железный или из ворононой стали охлупень с языческой конской головой — вспомните коней солнечного бога Святовита в Арконе и посвященных солнцу белых коней у скифов! Потрясающие своей наивной простотой, графической четкостью наличники в виде квадратов, метопов — как на фронтонах античного храма. Наличники не из досок, прибитых над оконцами, а врезанных в самое тело затесанных топором мощных бревен сруба. От всего этого веет истинной поэзией русских былин и сказок.

Из того же древнего, с детства родного нам по сказкам прадедовского мира вышла красавица наша, единственная сейчас в Сибири шатровая церковь, чудом уцелевшая в Заполярье, на месте мертвого города русских землепроходцев — Зашиверска. Вернувшись из экспедиции в Зашиверск, мы узнали, что церковь, согласно преданию, соорудил зашиверский же мещанин Петр Хабаров. И прочли в старинном документе грустный рассказ о том, как уже сто лет назад она пришла в упадок и стала жертвой невежества. Невежество и трагический случай — какую роковую роль и сколько раз сыграли они в участии памятников деревянного зодчества Сибири! На каждом плане-чертеже городов и сел сибирских, начиная со знаменитого ремизовского атласа, видны десятки удивительных и прекрасных сооружений из дерева. Но бесследно исчез уже на моих глазах многоглавый собор старого Верхленского острога. Вспыхнула, как факел, и погибла в пламени единственная в своем роде деревянная церковь над воротами прежнего Киренского острога, откуда шли на Амур и другие далекие реки первые землепроходцы северо-восточной Азии. Нет уже живых шатровых церквей, тонкие силуэты которых высились в небе над величественными стенами острогов и крепостных башен старого Иркутска, Томска, Красноярска, Тюмени, Тобольска, Якутска. Встает вопрос, а не постигнет ли такая же участь овеванную легендами шатровую церковь в Зашиверске? Не пора ли все-таки сделать так, чтобы

не случилась беда? Чтобы мы и наши потомки не испытали боль утраты, которую возместить нечем?..

1975

Игорь Петрянов-Соколов:

«Полюбите Родину всеми силами — и она вас возлюбит...» Именно с этих слов прекрасного русского художника, ученого, гуманиста и патриота Николая Константиновича Рериха я хочу начать разговор о том, что столь важно в жизни каждого человека: память — это совесть. Совесть перед собою, перед современниками, перед поколениями, прошедшими по родной земле, перед будущим. В самой сути этого понятия лежит любовь к Отечеству. Ведь каждое поколение, каждый человек, каждое время вновь и вновь принимают завещанное веками и тем, в свою очередь, становятся частицами его бессмертия. Вы спрашиваете, чем мы сегодня конкретно можем служить этому великому завету Отечества? Отвечу просто: для того чтобы любить землю своих отцов — свою землю, надо знать, за что ее любить. Надо знать ее историю, знать героев и их подвиги, уметь ценить и понимать красоту, созданную нашими славными предками.

Я очень хорошо понимаю и ценю людей, которые хлопочут о сохранении своеобразия своего дома ли, улицы, села, города. И заниматься этим их заставляет именно любовь к своей земле, к своей стране. Это истинные граждане, и их хлопоты должны встречаться с пониманием. Но, увы, нередко равнодушные администраторы сводят на нет их усилия. Так, в Москве музей декабристов мог бы появиться на десяток лет раньше, если бы московские власти прислушались к голосу обществу. Музей не только украсил бы Москву, но скольким людям внушил гордость за то, что были в нашем русском роду такие герои, подвигники, светочи самоотверженности и благородства.

...Нет ничего проще, как прервать связь времен, преемственность поколений. И если молодые с их прямоотой и бескомпромиссностью, с их верой, которую просто отнять, а вернуть бывает куда как трудно, волей обстоятельств становятся свидетелями равнодушия, неуважения старших, а тем более руководителей, обремененных административными полномочиями, к судьбе национальных духовных ценностей, к нашей исторической памяти, материализованной в наследии веков, то как знать, не присутствуем ли мы здесь при явлении, которое не хотелось бы и называть на страницах печати, но умолчать нельзя, — разрушении патриотизма? Примеров предостаточно. Назову завод «Ди-

намо», руководители которого в течение двадцати, — только вдумайтесь, — двадцати лет воздвигали все новые и новые препоны к выявлению достоинства и чести славного памятника нашей героической истории — заповедного места. Помню, о том писали в газете, в одном древнем городе произошел поразительный случай: некий юнец облил из огнетушителя стену древнего храма с росписью. Просто так, как говорится, за здорово живешь, душа требовала веселья, и когда закон воздал ему положенное, был в искреннем недоумении — подумаешь, испортил какую-то стенку. И невдомек ему было, что он поднял руку на отца, на мать! Кто повинен, что парень вырос таким? Родители, школа, а может, более всего все те же равнодушные ответственные и вместе с тем безответственные...

1984

Валентин Распутин:

Эпоха беспамятства не прошла нам даром. Мы воспитали поколение людей, которые невосприимчивы к культурно-историческому наследию, которые не только догматически мыслят, но и чувствуют, у которых начисто отмер орган, который позволял бы отделить временное от вечного... Памятники продолжают сноситься. Закон перед отечественными варварами в руководящей тоге продолжает пасовать, да и слаб он, этот закон. «Реставрационная телега» продолжает тянуться медленно и односильно. Право на память даруется подобно ярлыку, за которым в старой Руси ездили на поклон в ханскую орду. Но, как и тогда, при ярлыке на княжение ограничения, неповиновения, властительные вмешательства, произвол. Примеры? Да они повсюду — «от Москвы до самых до окраин». Наша организация в единой общественной структуре выглядит бедным родственником, который посажен, правда, за общий стол, но знает отведенное ему место.

Немалую, конечно, работу делает наше Общество, и все же эта работа ныне недостаточна. Народ ждет от нас большего. Наши скромные возможности его больше не удовлетворяют. Подтверждение тому — создание неформальных обществ и организаций в Москве, Ленинграде, Свердловске, Новосибирске, Тобольске; всюду почти добровольные и отнюдь не ополчаемые отряды по восстановлению памятников собственными руками, по сбору денежных средств, по пропаганде необходимых знаний, а порой и просто по ликбезу в культурно-историческом чистом поле. Там, где требуется, эти отряды, как перед танками, грудью встают перед бульдозерами, чтобы снова и снова не нанесен был невосполнимый

ущерб Отечеству. Не надо нам отклонительно и осторожно отводить глаза — это народное движение, вызванное духовными потребностями, зародившееся раньше и подтолкнутое гарантиями, которые появились в процессе перестройки и демократизации страны. Оно появилось в решительную поддержку нам и как следствие нашей же деятельности, сначала деятельности, затем вялости. Честь и хвала тем отделениям Общества, которые приняли неформальные объединения под свою крышу и сумели направить их энергию по верному руслу. А где не сумели или не захотели, скованные все той же болезнью бюрократической анемии, там они, эти общества, попали или могли попасть под влияние горячих голов. Свято место пусто не бывает. Там могли накаляться страсти, приводиться сомнительные доказательства, делаться неверные выводы, выясняться ближние враги.

Но раскроем скобки: договаривать так договаривать. Откуда взялось это убеждение о внутреннем враге? С чужого ли голоса, во сне ли приснилось, или все-таки дыма без огня не бывает? Если идти по следу, откуда несло дым, то вот оно: разрушение памятников, которое продолжается до сих пор, отсечение отечественной истории, атрофия традиции и культуры, уничтожение природы, Байкал и проект поворота рек, Волга — со всем тем, что с ней уже сделано и еще будет делаться впредь, разорительные для страны хозяйственные реформы, положение в общем и высшем образованиях, которые готовили кого угодно, но не гражданина и специалиста, уничтожение «неперспективной» деревни, пьяная экономика, показуха на всех этажах общества, с детского сада, ставшая едва ли не открытой моралью. Достаточно?

Согласитесь, какую крепкую нужно иметь шею, чтобы все это выдержать. Я вместе с вами склонен считать, что дело тут не в сознательном и планомерном разрушении народного духа и государственного организма, что дело не в целях, а в причинах. А за причинами далеко ходить не надо. Равнодушие, которое граничит с преступностью, ведомственное паразитирование на народных богатствах, которое граничит с оккупацией, грандиозные «проекты века» в народном хозяйстве и грандиозные монументы славы в искусстве, которые граничат с диверсией, и все это под ловкой защитой политических лозунгов, и все это при ослаблении патриотического долга, при таком его провисании, будто под нами — пропасть...

Есть люди, которым очень не нравится опаматовшаяся Россия, поэтому слова «память», «патриот» они готовы снова сделать ругательными, как это уже было

в двадцатые годы, а великие творения предков наших объявить примитивом и националистическим дурманом. Я не ищу в них врагов, но жить в расформированной от патриотического сознания стране им было бы легче. У них испытанное оружие — революционные лозунги, которыми они жонглируют с ловкостью циркачей и под сенью которых готовы пропеть любую анафему.

Память — само по себе понятие скрепляющее и охранительное. Нет более удобительной силы для раскрытия и расцвета народных возможностей, нет почвы более плодотворной, чем национальная память, осязательная, непрерывная связь поколений живущих с поколениями прошлыми и будущими.

1988

Илья Глазунов:

...Сегодня, когда мы стоим на краю пропасти, о чем пишут политики, экономисты, социологи, писатели, настоящий художник не может не переживать трагедию своего Отечества, и в этот момент особенно для всех нас важно осознать свою причастность к великому историческому пути русского народа и сделать все возможное, чтобы возродить его поправное национальное самосознание. Я за равенство всех народов, за взаимное уважение. И поэтому я всегда повторяю, что русский — это тот, кто любит Россию. Русский тот, для кого судьба России — его судьба.

Я против национализма во всех его формах, я за патриотизм. И в основе «русской идеи», о которой так много начинают говорить, лежит уважение к национальному достоинству любого народа. Родина, земля предков — это самое святое, что есть у человека. Навязанный принцип пролетарского интернационализма обернулся тем, что в нашей стране русский не мог быть русским, грузин грузин, еврей евреем и т. д. Всем была привита абстрактная идея о советском человеке, извратившая все естественные реальные понятия. Ведь говорить, что наша история началась с 1917 года, — есть чудовищное преступление перед народом. Один из гитлеровских генералов сказал: рабы не имеют прошлого. А не имея прошлого, мы не имеем права и не можем судить о будущем.

Задачу художника в наше время я вижу прежде всего в том, чтобы вывести наш народ из состояния позорного беспомыслия, в котором он пребывает так долго. А путеводной нитью пусть нам послужат слова Пушкина о том, что гордиться славой своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной — есть постыдное малодушие.

1990